

Омороза прокрался в круг и заявил о себе, бросив взгляд на духов. Одна из его рук автоматически потянулась, чтобы погладить черношерстную спину. Он смотрел на них и понимал, что мертвые — лишь тени прежних себя. Некоторые вещи будут забыты, а многие утрачат свою значимость. Части того, кем они были, связаны с физической формой, которой теперь не было. Это были его спутники по жизни, но они никогда не вернутся в облик, который он помнил. Салазар медленно покачал головой, обдумывая вопрос Эвандера, сосредоточившись на том, чему мог бы научиться у своих мертвых товарищей, а не на том, чего теперь не хватает. — Я не помню, — произнес он. — Я не знаю ничего о загробной жизни. Я умер, а потом проснулся трехлетним ребенком, спустя столетия. — Века? — спросила Хельга. — Какой сейчас год? — 1990, — ответил Салазар, прежде чем добавить: — Это мой десятый год. — Более 900 лет, — пробормотала Ровена, полный интриги голос наводил на тысячу вопросов. — Нормандские волшебники преуспели, — сказал Эвандер, переводя разговор на ответы, которые искал Салазар. — Мы сражались еще год после твоего падения. Они убили Хардвина и оставили нас без главы Триады. — Мы встретились с ними в кругу, где заключили соглашение, и Совет волшебников увеличился с семи до двадцати одного, хотя не все места были заняты. В своей неиссякаемой мудрости они согласились почтить память некоторых из нас, — добавила Хельга. — Нас сделали новыми домами, — продолжил Эвандер, его теплый голос подмигивал игривостью. — Мы все стали Патерами или Матерами, — фыркнула Хельга. — Правда, они даже сделали тебя одним из них посмертно. Это принесло много пользы. Я до сих пор не понимаю, как они убедили магию в том, что мальчишка — твой кривной родственник. — Что? — зашипел Салазар, абсолютно ошеломленный. Он чуть не заговорил на Змеиный язык — то, что он редко делал с тех пор, как был ребенком. Ему не хотелось, чтобы вместо магического языка звучали глупые шипения. Духи обменялись взглядами, прежде чем Хельга призналась: — Примерно через двадцать лет после того, как ты стал Патером, появилось молодое нормандское дитя, владеющее Змеиным языком. Острова приняли его лишь частично. В хартии, что протащили норманны, была формулировка, позволяющая ребенку голосовать при определенных условиях. Он стал представителем твоих желаний, хотя и не получил прав главы дома. — Я понимаю, — медленно произнес Салазар, унося мысли к своей семье или ее отсутствию. Он никогда не говорил о своих родственниках, кроме несчастной судьбы матери и сестры. Он также не женился и не заводил детей, сосредоточив все внимание на создании Хогвартса. У него не было семейной магии, требующей потомства; что-то напоминало семейную магию, как указывал его змеиный язык, но он никогда не был востребован собственным кланом. Создавать новый дом для него и его крови было настоящим расточительством, когда он оставался первым и последним в своем роде. Его брат тоже не мог претендовать на это. — Старые ритуалы не сделали бы его достаточно близким, чтобы считаться твоим наследником, да и Дом магов обычно не принимал в наследники братьев или сестер основателя без его разрешения, — добавил он. — Это правда? — спросила Хельга, прерывая молчание. — Он был твоим родственником? Салазар слегка пожал плечами, чувствуя себя не в своей тарелке. Но они были мертвы и не могли изменить эту информацию даже если бы захотели. — Это возможно, — наконец ответил он, глядя на Оморозу сверху вниз. — Мой отец был... датчанином, викингом. Он владел магией, хотя не Змеиным языком. Салазар нахмурился, осознав это, но покачал головой. Сейчас не время задаваться вопросом появления различных магических способностей. — Я предполагал, что семейная магия может быть его наследием. Этот мальчик мог быть его сыном или внуком и имел бы наименьшие права на новый дом. Наступила тишина. Его мертвые спутники обдумывали новую правду. Салазар был бастардами, если не хуже. Викинги-«торговцы» не славились верностью одной жене, у них было несколько женщин на маршрутах, а некоторые становились скорее наложницами. Но даже Вильгельм Завоеватель считался бастардом, так что это не должно было иметь значения. — Что ж, — наконец произнесла Хельга, — в конце концов, это не имеет значения. Более 900 лет — это слишком долгий срок, чтобы что-то менять. Что касается того, что произошло, главы домов, входящих в Нормандский блок, занимали большинство мест, поскольку наш мудрый

совет не назначил ни одного из наших в новый дом посмертно. У большинства из них были родственники, но некоторые уже стали скомпрометированными норманнами. Тогда, несколько лет спустя, мы обнаружили, что большинство членов Третичной триады мертвы. Он поморщился от этой мысли. Он был членом Третичной триады, и все они были эквивалентом друидов. Их основная обязанность заключалась в поддержании рощ и более широкой защиты, которую они обеспечивали островам. Салазар задумался о последствиях потери стольких членов Третичной триады одновременно с захватом совета. Вероятно, их традиции угасли в отсутствие полностью обученных друидов, а совет не мог ничего изменить. Тем не менее, роща, в которой они сидели, давала надежду на то, что некоторые из них все же выжили на какой-то период. Омороза переместилась к нему на колени и начала лизать его руку. Он прекратил ее гладить. Зеленые глаза встретились с оранжевыми. Что-то внутри него расслабилось в ее присутствии. — Хогвартс? — спросил Салазар, переключаясь на другие вопросы. — Он продолжал существовать до нашей смерти, — ответила Ровена. — Мы могли бы преследовать людей, которых знали лично, если захотим, но они, похоже, даже не замечают... Много времени прошло с тех пор, как мы смогли кого-то преследовать. Но Хогвартс все еще существовал, когда Хельга умерла. — Он пережил и мою правнучку, малышку Мейвис, — вздохнула Хельга. — Она осталась работать учителем и умерла очень старой... Конечно, в Хогвартсе не обучали всему, что хотелось. Стандартом стала римская магия палочек, добавили «Зельеварение»... Травология по-прежнему преподавалась на должном уровне. Астрономия, однако, вышла из моды. Совет ограничил использование ряда ритуалов примерно во время смерти Мейвис, что привело к снижению интереса к различным базовым классам. — Почему они ограничили ритуалы? — требовательно спросил Салазар. Все, что делал друид, считалось ритуалом, и это было одним из продвинутых классов, которые он преподавал своим ученикам. Хельга неловко сдвинулась с места и ответила: — Некоторые стали слишком опасными. Почему, не могу сказать. Салазар нахмурился. Все ритуалы могут быть опасны, если их участники не понимают, что делают. Однако, скорее всего, причиной ограничений стало уменьшение числа друидов. Большинство ритуалов имели какое-то отношение к друидическим искусствам, или, по крайней мере, к тем, что были распространены на Островах в то время. Эти знания передавались из уст в уста. Было очевидно, что с уходом друидов ушли и их знания. — Подозреваю, что на этот раз тебе придется взять палочку в руки, — с легким весельем заметил Эвандер. Салазар поднял бровь. — Я использовал палочку в прошлый раз, — ответил он, что было чистой правдой, в самом простом смысле. — Ты проходил какие-нибудь очистительные ритуалы? — вновь спросила Ровена, прервав его. Салазар повернулся к ней, чтобы на мгновение сосредоточиться. Прерывания Ровены были обычным делом, но он к ним не привык. На мгновение он отвлекся от палочек и того факта, что никто из них не пользовался ими очень часто, на ее вопрос. Он решительно проигнорировал пришедшие на ум намеки. Весь разговор был бы слишком вульгарным, если бы вместо дам присутствовали другие мальчики. — Насколько я помню, нет, — наконец ответил он. Она нахмурилась. Все они нахмурились, и Салазар не мог их винить. У магов существовала традиция проводить ежегодное очищение в начале весны. Оно снимало сглазы и проклятия, очищало врожденную магию от любых примесей и позволяло на короткое время соединиться с магией Матери, чего большинство не могли сделать самостоятельно, но это было важно для восстановления внутреннего баланса. Кроме того, очищение считалось одним из немногих способов борьбы с родовыми проклятиями и магическими заболеваниями. Салазар хорошо знал этот ритуал, проводя его для каждого нового ученика. Он обучал их, как проводить ритуал самостоятельно, хотя большинство не могли успешно соединиться с магией Матери. Он также заботился о том, чтобы ученики понимали, как провести один из менее значительных очистительных ритуалов под темной луной в любой месяц года, не прибегая к магии земли. Он не отказывался от очистительных ритуалов по незнанию. Ритуалы, что он знал, требовали соответствующей рощи. Прежде чем провести такой ритуал, нужно было обновить и сбалансировать магию в роще, а также задействовать значительное количество врожденной магии. Он мог творить магию, но всегда

внимательно распределял её, и всё равно истощал себя.— У следующего года моё ядро станет достаточно сильным, чтобы я смог провести ритуал самостоятельно, — произнес он. Губы Ровены сжались в линию.Её муж сказал:— Ты пройдёшь очищение в следующую темную луну после своих десятого и первого дней рождения.Реинкарнат кивнул в знак согласия, не видя необходимости объяснять, что это уже было в его планах. После этого Хельга собрала свои мысли и обсудила всё, что могла вспомнить, что он пропустил. С рассветом его мертвые друзья исчезли, но это был не последний раз, когда он их видел. Зная свою удачу, он понимал, что они будут его преследовать, и в следующий Самайн он получит по заслугам. Возможно, на этот раз к ним присоединятся и остальные.

<http://tl.rulate.ru/book/122250/5131674>